
ВОСТОК–ЗАПАД: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА ПОД ВЛАСТЬЮ АРАГОНСКИХ КОРОЛЕЙ

И.И. Варьяш

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27–4, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена истории шариата в условиях христианской политической власти. Речь идет об особенностях бытования мусульманского права и религиозных обычаев мусульман в эпоху Реконкисты на Пиренейском полуострове (Арагонская Корона XIV в.). Автор ставит вопросы о трансформации права в новых для него политических и социальных обстоятельствах, об адаптивных способностях мусульманского права в средние века, о степени деформации правовой системы и культуры сарацин под давлением христианских властей и повседневным влиянием христианского общества. История шариата вписана в контекст правового пространства христианского королевства. Автор основывает изучение мусульманского права на источниках по происхождению христианских, что требует специальной методики и придает дополнительную оптику исследованию. Автор раскрывает характерные черты мусульманского права, подчинившегося христианскому политическому порядку: высокие адаптивные способности, охранительность, сосредоточенность на внутриобщинных задачах, усиление частного и персонального права. Арагонский материал свидетельствует о том, что на протяжении XIV в. мусульманское право сарацин сохраняло аутентичность во внутренних делах, что было основой идентичности всего сообщества мусульман. Трансформация права, неизбежная в новых условиях, коснулась прежде всего той сферы, где право побежденных пересекалось с правом победителей: судебные дела смешанного типа, управление общинами, уголовные дела. Тем не менее, мусульманское право в рамках христианского королевства существовало в многомерном правовом пространстве и вынуждено было признавать источником права королевское право. Статья носит сугубо теоретический и обобщающий характер.

Ключевые слова: история, шариат, королевское право, Арагонская Корона, XIV в., трансформация права, деформация права, адаптивные способности права, правовое пространство, исламская идентичность

Истории шариата на Западе в мировой научной литературе посвящен довольно представительный корпус исследований, который постоянно пополняется. Среди них особое место занимают штудии о мусульманском праве в аль-Андалусе, Северной Африке и Гранадском эмирате [13; 14; 20; 24; 28]. Однако встретить работу о праве мусульман, принявших подданство христианских государей в Европе, непросто. Даже по отношению к Пиренейскому полуострову эта тема поднимается крайне редко и скупо [23; 25; 27]. Между тем известно, что в ходе Реконксты большое количество мусульманского населения не покинуло свои земли и осталось под новой властью на условиях сохранения своего закона и внутреннего самоуправления.

Как сложилась историческая судьба шариата под властью христиан? Вынуждено ли было право мусульман измениться? И если – да, то насколько, в чем, каким образом?

Поставленные вопросы ведут к обсуждению сложнейшей темы устойчивости мусульманской идентичности (в данном случае через призму права) в рамках западной политической и социальной парадигмы.

То, что шариату пришлось не только приспособливаться, но и постоянно реагировать на изменчивую ситуацию внутри самого христианского правового поля, не подлежит сомнению. Был ли шариат в этом процессе успешен? Сохранил ли возможность защищать интересы мусульман и мусульманской общины? Проявил гибкость или консерватизм, склонность к изоляционизму или диалогу?

Найти ответы на эти вопросы до сих пор было довольно трудно по той простой причине, что в распоряжении историков не было соответствующей информации: источники, созданные мусульманами и отражавшие внутриобщинную практику бытования шариата, были безвозвратно утеряны в Новое время [16].

В конце XX в. в частном архиве была найдена рукопись «Книги Сунны и Шариата мавров», датированная XV в. и содержащая правовые нормы, по которым жили сарадины небольшого валенсийского сеньориального владения [26]. Сохранились документы из Архива Арагонской Короны, отражающие взаимоотношения властей разных уровней, прежде всего короны, с мусульманскими подданными [8–10; 12; 17–19; 21]. Существует возможность обращаться к разрозненным и пока мало изученным локальным коллекциям нотариальных актов и муниципальных архивов. И это – все, что на сегодня доступно, если не считать юридических компиляций и трактатов мусульманских правоведов, которые по большей части изучали вопросы, возникавшие на землях ислама.

Дошедшие до нас источники по истории арагонского шариата в основной своей массе были созданы христианами, на языках и наречиях христиан. Это, однако, не означает, что из них нельзя извлечь данные, пусть косвен-

ные, не такие полные, как хотелось бы, но вполне надежные, о том праве, которым пользовались сарацины, подчинившиеся власти христиан.

Для этого стоит применить к уже известным текстам новый подход: признать, что в них отразилось все правовое пространство, под которым мы понимаем многомерное историческое явление с ярко выраженной социальной природой. Различные составляющие правового пространства вступают друг с другом во взаимоотношения, иногда противоречивые и даже конфликтные, иногда странные, на первый взгляд лишённые логики, иногда, напротив, вполне ожидаемые. Сам принцип реализовывавшихся на практике связей в области права, правосприятие и проявления правового сознания и правовой культуры, поведения в правовом пространстве властей и индивидуумов способны высветить информацию о том, что не лежит на поверхности текста, но присутствовало в исторической действительности и проникало в строки, записанные христианскими писцами.

В то же время следует избегать абсолютизации материала христианских источников: они отразили очень скромную часть той правовой действительности, в которой существовали мусульманские общины Арагонской Короны.

Эмирические результаты нового метода были опубликованы в монографии «Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства» [4], а в настоящей работе мы предлагаем теоретическое осмысление этого материала и выход на общие вопросы истории шариата.

С самого начала следует сказать, что, конечно, смена доминирующей политической власти с исламской на христианскую не могла не затронуть шариат: он вынужден был занять подчинённую позицию внутри иерархически устроенного правового пространства королевства.

Потеря лидерства привела к неизбежному в рамках средневековой сеньориальной парадигмы последствию. Королевские распоряжения, эдикты и установления являлись обязательными для сарацин, ставших вассалами короля, т. е. королевское право должно было признаваться мусульманами в качестве источника права. Таким же образом этот принцип работал и в случае вассалитета владетельному сеньору, светскому или духовному.

Из этого вытекало два следующих отклонения от классического шариата: во-первых, все должностные лица мусульманских общин (альхама), начиная с кади, получали свои места посредством королевского пожалования; и во-вторых, христианский король, как сеньор, становился верховным судьей мусульман, а королевская курия – верховной судебной инстанцией, к ведению которой относились тяжкие преступления и куда можно было подавать апелляции.

В то же время мусульманское право обладало в королевстве законным статусом: согласно капитуляциям, а затем и королевским привилегиям шариат признавался действующим правом сарацин, легитимной основой их автономного управления внутри общины, делопроизводства и отправления правосудия. Известно, что положения этих документов не были декларацией

о намерениях власти, но были воплощены на практике: в Арагонской Короне действовали шариатские суды, власть сама проявляла заинтересованность в сохранении исламских правоведов как слоя в должном уровне их знаний и поддерживала их деятельность [15; 23].

Владельцы сеньоры в этом отношении еще больше нуждались в мусульманских судьях и должностных лицах, поскольку их собственные ресурсы были скромнее королевских, и самоуправление сарацин было наиболее эффективной на тот момент формой организации жизни.

В результате характерной чертой того правового пространства, в котором оказались сарадины Арагонской Короны, стала его многомерность. Каждая община, каждый индивид могли, а подчас оказывались вынуждены воспринимать правовую ситуацию не только в привычной исламской традиции, но и выходить за ее пределы в новое измерение, где действовали другие нормы, другие правила делопроизводства, другие языки и другие судьи.

Важно отметить, что многомерность не была примитивным результатом механического наложения двух секторов права королевства друг на друга. Нет, многомерность правового пространства была функциональной: она выполняла роль дополнительного средства регулирования сложных общественных отношений.

Возможность действовать на разных уровнях правового пространства дала мусульманам выбор, притом выбор между очень разными, в том числе и конфессионально, системами. Вопрос о том, пользовались ли они этим, решается однозначно – да. Материал королевских актов недвусмысленно свидетельствует о том, что и сарадины, и сарацинки, частные лица, бывало, предпочитали обращаться в королевскую курию, даже минуя ступень ординарного суда кади. Собственно, о таких случаях нам чаще всего и известно – в отличие от тех случаев, когда дело разбиралось традиционным способом в мусульманском суде [3].

Но стремились ли мусульмане, подавая петицию на имя христианского короля, облегчить свою участь, рассчитывая на более легкое наказание, или желая обойти какие-то нормы шариата, попросту говоря смошенничать, воспользовавшись тем, что власть иноверцев исламских законов не знала? Или, может быть, сами того не осознавая, они постепенно заимствовали правовые привычки соседей-христиан?

Судить об этом гораздо сложнее, потому как сарадины все-таки прибегали к высшей инстанции редко и не всегда подробно излагали обстоятельства своего дела. Но в подавляющем большинстве случаев мусульмане, искавшие справедливости при дворе арагонских государей, искренне полагали, что королевское решение будет учитывать положения мусульманского права: отстаивая свои права, они использовали ссылки на сунну и предоставляли документы, составленные по правилам мусульманского делопроизводства.

Есть основания полагать, что сарацины отлично понимали разницу между двумя системами правосудия, но использовали ее не для того, чтобы избежать суда по шариату, а для того, чтобы защититься от произвола должностных лиц на местах, в том числе из единоверцев, и, напротив, добиться соблюдения норм мусульманского права. В этом случае одно и то же судебное дело могло воплотиться в двух измерениях и в каждом из них приобрести самостоятельное звучание – вплоть до различного определения состава преступления и личности обвиняемого, хотя цели истца-мусульманина не менялись от того, что, не найдя справедливости у кади, он искал ее у короля.

С точки зрения сарацин, частных лиц и руководителей общин, христианский король, в качестве их легитимного сеньора, с которым был заключен двусторонний договор о подданничестве [27], был нужен прежде всего для того, чтобы гарантировать их права, включавшие и право придерживаться шариата.

Тот факт, что королевские грамоты очень редко составлялись в связи с внутрисарацинскими тяжбами, а намного чаще касались смешанных дел или вопросов управления общинами, уголовных процессов, находившихся в ведении высшей инстанции, говорит в пользу устойчивости исламской традиции в судопроизводстве мусульман королевства.

На протяжении всего XIV столетия и тяжкие преступления (например, убийство, прелюбодеяние) могли разбираться кади, а не королевскими официальными, если это было внутреннее для сарацин дело. В судопроизводстве и делопроизводстве по-прежнему использовался арабский язык и сохранялись арабоязычные формулы (в клятвах, документах) [1; 6].

Все это свидетельствует о сохранении аутентичности традиционного правового уклада и мышления мусульман на христианских землях в течение жизни нескольких поколений (как минимум трех-четырех).

В связи с этим, думается, вряд ли стоит говорить о размывании норм шариата под давлением христианских властей [11], которые старались все больше и больше контролировать сферу юрисдикции шариата. Безусловно, присутствовавшие здесь финансовые интересы – и на уровне короны, и на уровне ее официалов разного ранга – периодически ставили мусульманские общины перед необходимостью «оплачивать» или «откупать» свои права, но не более того.

Королевская власть действовала совершенно иными методами, нежели постепенное подчинение мусульманского правосудия своему контролю. Такая задача никогда не ставилась и не могла быть поставлена в средние века. Напротив, различные формы изоляционизма Средневековью были знакомы. При активном участии королевского права в правовом пространстве был оформлен сегмент изоляции, где шариат был или полностью блокирован или его позиции были сильно ущемлены.

Происходило это разными способами: королевская власть могла издавать распоряжения, руководствуясь собственными экономическими интере-

сами, и попросту не принимая в расчет иноверческие нормы, которые могли бы ей помешать в этом [5]; королевская власть могла быть вынуждена принимать законы, ограничивавшие права мусульман (например, право публичного призыва на молитву), поскольку подчинялась общецерковным установлениям и Риму [7]; наконец, королевская власть могла специально поддерживать выгодную ей практику, игнорируя исламскую традицию и настаивая на своей верховной юрисдикции [4. С. 209–244].

В результате мусульмане чувствовали давление в повседневной жизни, когда силой королевского письма хозяева христианских таверн получали право поить сарацин вином в своих заведениях; или когда им запрещалось работать по воскресеньям и в праздничные для христиан дни; или, наоборот, вменялось в обязанность нашивать на платье отличительный знак и носить определенную прическу...

Наиболее чувствительными были запреты, касавшиеся религиозных практик мусульман – в течение XIV в. было пресечено их право публично возглашать имя пророка и призывать на молитву, периодически ограничивалось право свободного выезда из страны, что препятствовало осуществлению хаджжа.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этих мерах [17]. Достаточно будет сказать, что все они действовали не постоянно, могли отменяться в частном порядке по просьбе той или иной общины и в целом на практике вряд ли задевали устои исламской традиции. Им скорее сопротивлялись как навязанным, что способствовало поддержанию внутриобщинной идентичности.

Надо заметить, что мусульманские высшие должностные лица весьма активно и успешно защищали обычаи, добиваясь смягчения или отмены запретов, изыскивали юридические лазейки для сохранения, хотя иногда и в неполном виде, своих традиций.

Гораздо серьезнее для шариата была политическая блокада в области прозелитизма. Христианские законы, естественно, признавали право мусульман переходить в христианство, что было неприемлемо для мусульманского права, всегда трактовавшего подобные действия как самое тяжкое преступление – вероотступничество.

В области судопроизводства вмешательство короны было последовательным и весьма настойчивым только в сфере смешанных сексуальных преступлений [22; 2]: здесь королевская власть не прибегала к созданию писанных норм, а действовала путем формирования определенной практики: так, всех сарацинок, обвиненных в сожительстве с христианами, обращали в королевских рабынь. Не стоит и говорить, что подобная практика не имела ничего общего с нормами шариата. Однако дела смешанного типа, тем более вроде прелюбодеяния, относившегося к категории тяжких преступлений, разумеется, находились в юрисдикции короны.

Столкновение королевского права и шариата, игнорирование последнего правом христиан и в конечном итоге создание сегмента его изоляции внутри правового пространства было сопряжено с экономическими интересами короны, которая стремилась использовать человеческие и финансовые ресурсы мусульманских подданных. Исламская правовая традиция, соответственно, страдала прежде всего там, где входила в прямое соприкосновение с миром христиан – прозелитизм, смешанные дела, публичное отправление культа и т.д.

Внутри сегмента изоляции мусульмане, что вполне очевидно, лишены привычной основы своего права, еще больше обычного вынуждены были обращаться к королевской власти, ища в ней гаранта своих привилегий и защитника древних обычаев.

Определить долю сегмента изоляции в правовом пространстве королевства довольно сложно: социальный, политический и юридический вес этой доли будет разным. Например, вмешательство короны в дела по смешанным сексуальным преступлениям имело большой общественный резонанс и затрагивало иногда судьбы целых общин [17. С. 33–34], но с точки зрения права не представляло угрозы для шариата. Безднаказанность прозелитизма воспринималась мусульманскими правоведами в высшей степени болезненно, но поскольку неопитов на самом деле было очень немного [4. С. 245–266], то ни социального отклика, ни политических последствий это явление не принесло. Ограничительные законы в области религиозной жизни понимались, вероятно, обеими сторонами прежде всего как жест политической лояльности или маркер политического благоприятствования иноверцам в королевстве и т. д. и т. п.

На наш взгляд, важнее отметить, что сегмент изоляции шариата, во-первых, существовал; во-вторых, был лишь частью общего правового пространства королевства; в-третьих, соседствовал с сегментом действующей исламской правовой традиции.

Последний явно обладал гораздо более значительным весом – и в политическом, и в социальном, и юридическом плане, – чем сегмент изоляции, по крайней мере в том, что обеспечивало мусульманскому праву аутентичность, а сообществу – сохранение правовой и культурной идентичности.

Говоря об особенностях шариата на этом этапе развития в условиях трансформации под властью латинян, следует на первое место поставить его высокие адаптивные способности. Новая интеллектуальная и административная элита мусульманских общин, пришедшая на смену той, что по большей части покинула завоеванные христианами земли, быстро освоила язык правовой коммуникации с короной и предпочитала режим активного диалога, обмена информацией, выработки совместных решений. Такая позиция (помноженная на заинтересованность в диалоге королевской власти) позволяла эффективно защищать интересы единоверцев на протяжении всего XIV в.

Правоведы и судьи из арагонских сарацин, как и во времена аль-Андалуса, ощущали себя частью исламского мира и исламского правового пространства. Они по-прежнему вели переписку с арабоязычным миром, обсуждали с муфтиями (правоведами) сложные юридические казусы. В то же время перед ними стояла неизвестная деятелям классического шариата задача отстаивать свою идентичность под напором иноверческой власти.

Отсюда вытекает еще одна особенность арагонского шариата – его охранительный характер. И дело даже не столько в том, что факихи и кади придерживались консервативных взглядов – это кстати не всегда и не везде было так, – а в том, что практическое бытование шариата, отвечая на трансформацию, а подчас и деформацию, вырабатывало способы самозащиты.

Так, например, не имея никакой юридической возможности пресечь прозелитизм шариат, с одной стороны, хранил молчание, вообще не проявляя никакого отношения к этому явлению, а с другой стороны, формулировал новые нормы, регулировавшие правовые последствия прозелитизма – развод супругов, раздел имущества и т. д.

Наиболее действенными способами сохранения правовой идентичности на уровне сообщества стало усиление частного и персонального права. Здесь, в сфере, независимой от политической власти, мусульмане могли свободно придерживаться своего закона и своих обычаев.

Поэтому третьей характерной чертой шариата под властью христиан следует назвать сужение сферы его интересов до частноправовых и локальных отношений.

Эта черта не была только результатом политического бессилия шариата, потери господствующего положения и подчинения иерархии христианского правового пространства, что понятно. Она обеспечивала шариату наибольшую аутентичность, позволяла наиболее эффективно защищать интересы человека и сообщества.

© Варьяш И.И., 2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Варьяш И.И.* Клятва пиренейских сарацин // *Право в средневековом мире*. М., 2009. С. 209–223.
- [2] *Варьяш И.И.* Мусульманская свадьба в фокусе королевского права // *Universitas historiae*. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 96–103.
- [3] *Варьяш И.И.* Сарацины и сарацинки бьют челом сеньору королю // *Адам и Ева*. Альманах гендерной истории / Под редакцией Л. П. Репиной. М., СПб., 2003. С. 115–130.
- [4] *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей: Исследование правового пространства XIV в. СПб., 2016.

- [5] Варьяш И.И. Социальный аспект освоения пространства, или Где выпить сарацину? // Книга картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под редакцией Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. М., 2014. С. 24–40.
- [6] Варьяш И.И. *Instrumenta publica sarracenica* в Арагонской Короне XIII–XIV вв. // СВ, Вып. 76 (3/4). 2015. С. 333–344.
- [7] Варьяш О.И., Варьяш И.И. Правовые и религиозные нормы: средневековый опыт преодоления противоречий // СВ, Вып. 77 (3/4), 2016. С. 179–189.
- [8] Basañez Villaluenga M.B. La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona, 1989. Apéndice documental.
- [9] Basañez Villaluenga M.B. Las morerías aragonesas durante el reinado de Jaime II. Catálogo de la documentación de la Cancillería Real. V. I. (1291–1310). Teruel, 1999.
- [10] Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria: 1234–1372 / Ed. M. V. Febrer Romaguera. Zaragoza, 1991.
- [11] Catlos B.A. The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300. Cambridge, 2004.
- [12] Documentos para la historia del Valle de Elda: 1356–1370 / Ed. J.V. Cabezuolo Pliego. Elda, 1991.
- [13] Islamic Legal Interpretation: Muftis and Their Fatwas / Ed. M.K. Masud, B. Messick and D. Powers. Harvard Studies in Islamic Law. 1996.
- [14] Journal of Islamic Studies. Oxford: Oxford University Press.
- [15] Febrer Romaguera M.V. Derecho común, fueros y estatuto islámico de los mudéjares de los señores aragoneses: el caso de las alhóndigas y de la ordenanza de d. Pedro Fernández de Híjar para prohibir el juego de dados a sus vasallos moros (1297) // AEM, № 20, 2008. P. 301–319.
- [16] Ferrer i Mallol M.T., Montes Romero-Camacho I., Navarro Espinach G., Egea Gilberte J.F. Fuentes documentales para el estudio de los mudéjares. Teruel, 2005.
- [17] Ferrer i Mallol M.T. Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV. Segregació i discriminació. Barcelona, 1987.
- [18] Ferrer i Mallol M.T. La frontera amb l’Islam en el segle XIV: Cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona, 1988.
- [19] Ferrer i Mallol M.T. Les aljames sarraïnes de la governació d’Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1988.
- [20] Fierro M.I. El derecho malikí en al-Andalus: ss. II/VIII-V/XI // Al-Qantara, vol. XII, 1991. P. 119–132.
- [21] Mutgé i Vives J. L’aljama sarraïna de Lleida a l’edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992.
- [22] Nirenberg D. Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages. Princeton, 1999.
- [23] O’Connor I. The Mudejars and the Local Court: Justice in Action // Journal of Islamic Studies. 16, № 3 (2005). P. 332–356.
- [24] Powers D. The Development of Islamic Law and Society in the Maghrib: Qāḍīs, Muftīs and Family Law. Burlington VT, 2011.
- [25] Roy Marín M.J. Aportación al estudio del delito sexual: el caso de los moros de Zaragoza en el siglo XIV // Actas de VII Simposio Internacional de Mudejarismo. Teruel, 1999. P. 195–210.
- [26] Un tratado catalán medieval de derecho islámico: Llibre de la Çuna e Xara dels moros / Ed. C. Barceló. Córdoba, 1989.

- [27] *Verskin A.* Islamic Law and the Crisis of the Reconquista. The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom. Leiden, 2015.
- [28] *Zomeño A.* Dote y matrimonio en al-Andalus y el Norte de África. Estudio sobre la jurisprudencia islámica medieval. Madrid, 2000.

REFERENCES

- [1] *Variash I.I.* Kljatva pirenejskih saracin // Pravo v srednevekovom mire [The Oath of Perenean Saracens // The Law within the Medieval World]. M., 2009. S. 209–223.
- [2] *Variash I.I.* Musul'manskaja svad'ba v fokuse korolevskogo prava // Universitas historiae. Sbornik statej v chest' Pavla Jur'evicha Uvarova. [Muslim Wedding in the Focus of the Crown Law // Universitas historiae. Collection in honor of Prof. Pavel Uvarov]. M., 2016. S. 96–103.
- [3] *Variash I.I.* Saraciny i saracinki b'jut chelom sen'oru korolju // Adam i Eva. Al'manah gendernoj istorii / Pod redakciej L. P. Repinoj [The Saracens Men and Women petition to the Lord King // Adam and Eve. Gender History Review / Ed. L. P. Repina]. M., SPb., 2003. S. 115–130.
- [4] *Variash I.I.* Saraciny pod vlast'ju aragonskih korolej. Issledovanie pravovogo prostranstva [The Saracens under the Power of Aragonese King: Research of the Legal Space in the 14th c.]. SPb., 2016.
- [5] *Variash I.I.* Social'nyj aspekt osvoenija prostranstva, ili Gde napit'sja saracinu? // Kniga kartiny zemli. Sbornik statej v chest' Iriny Gennadievny Konovalovoj / Pod redakciej T. N. Dzhakson i A. V. Podosinova [The Social Development of the Space or Where can drink a Saracen? // The Book of The Land Picture. Collection in honor of Prof. Irina Konovalova / Ed. T. N. Dzhakson, A. V. Podosinov]. M., 2014. S. 24–40.
- [6] *Variash I.I.* Instrumenta publica sarracena v Aragonskoj Korone XIII–XIV vv. // Srednie veka [Instrumenta publica sarracena in the Crown of Aragon in 13th – 14th cc. // Medieval Ages]. 2015, 76 (3/4). S. 333–344.
- [7] *Variash O.I., Variash I.I.* Pravovye i religioznye normy: srednevekovyj opyt preodolenija protivorechij // Srednie veka [The Legal and Religious Norms: the Medieval Experience to overcome the Contradictions // Medieval Ages]. 77 (3/4). 2016. S. 179–189.
- [8] *Basañez Villaluenga M.B.* La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona, 1989. Apéndice documental.
- [9] *Basañez Villaluenga M.B.* Las morerías aragonesas durante el reinado de Jaime II. Catálogo de la documentación de la Cancillería Real. V. I. (1291–1310). Teruel, 1999.
- [10] *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria: 1234–1372 / Ed. M.V. Febrer Romaguera.* Zaragoza, 1991.
- [11] *Catlos B.A.* The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of Catalonia and Aragon, 1050–1300. Cambridge, 2004.
- [12] *Documentos para la historia del Valle de Elda: 1356–1370 / Ed. J.V. Cabezuelo Pliego.* Elda, 1991.
- [13] *Islamic Legal Interpretation: Muftis and Their Fatwas / Ed. M.K. Masud, B. Messick and D. Powers.* Harvard Studies in Islamic Law. 1996.
- [14] *Journal of Islamic Studies.* Oxford University Press.
- [15] *Febrer Romaguera M.V.* Derecho común, fueros y estatuto islámico de los mudéjares de los señores aragoneses: el caso de las alhóndigas y de la ordenanza de d. Pedro Fernán-

- dez de Híjar para prohibir el juego de dados a sus vasallos moros (1297) // AEM, N° 20, 2008. P. 301–319.
- [16] Ferrer i Mallol M.T., Montes Romero-Camacho I., Navarro Espinach G., Egea Gilaberte J.F. Fuentes documentales para el estudio de los mudéjares. Teruel, 2005.
- [17] Ferrer i Mallol M.T. Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV. Segregació i discriminació. Barcelona, 1987.
- [18] Ferrer i Mallol M.T. La frontera amb l'Íslam en el segle XIV: Cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona, 1988.
- [19] Ferrer i Mallol M.T. Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1988.
- [20] Fierro M I. El derecho malikí en al-Andalus: ss. II/VIII-V/XI // Al-Qantara, vol. XII, 1991. P. 119–132.
- [21] Mutgé i Vives J. L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992.
- [22] Nirenberg D. Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages. Princeton, 1999.
- [23] O'Connor I. The Mudejars and the Local Court: Justice in Action // Journal of Islamic Studies. 16, № 3 (2005). P. 332–356.
- [24] Powers D. The Development of Islamic Law and Society in the Maghrib: Qāḍīs, Muftīs and Family Law. Burlington VT, 2011.
- [25] Roy Marín M.J. Aportación al estudio del delito sexual: el caso de los moros de Zaragoza en el siglo XIV // Actas de VII Simposio Internacional de Mudejarismo. Teruel, 1999. P. 195–210.
- [26] Un tratado catalán medieval de derecho islámico: Llibre de la Çuna e Xara dels moros / Ed. C. Barceló. Córdoba, 1989.
- [27] Verskin A. Islamic Law and the Crisis of the Reconquista. The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom. Leiden, 2015.
- [28] Zomeño A. Dote y matrimonio en al-Andalus y el Norte de África. Estudio sobre la jurisprudencia islámica medieval. Madrid, 2000.

THE TRANSFORMATION OF ISLAMIC LAW UNDER THE AUTHORITY OF ARAGONESE KING

I.I. Variash

Department of History of Middle Age,
History faculty, Moscow State University
Lomonosovski ave., 27–4, Moscow, Russia, 119991

The article discusses the history of the Sharia under Christian domination. It is focused on the practice of Islamic law and religious customs of Muslims at the Iberian Peninsula during the Reconquista period (the Crown of Aragon in the 14th century). The author looks into the transformation of Islamic law in new political and social environment, the adaptive abilities of the Sharia in the Middle Ages, the level of deformation of the legal system and culture experiences by the Saracens under Christian authorities and through the influence of the

Christian society. The author bases her study on Christian sources, and this requires a new method and adds aspects to the research. Characteristic features of Islamic law under Christian domination are demonstrated: high adaptability, preservation of tradition, a focus on inter-communal aims, strengthening of private and personal law. The Aragonese materiel shows that throughout the 14th century, the Sharia of the Saracens preserved its authenticity in relation to internal affairs of the Muslims, and this was the foundation for the identity of the community of the Muslims. Transformation of law, inevitable in new circumstances, happened first in the sphere where the law of the conquered touched upon the law of the conquerors: the cases of mixed type, communal administration, and criminal cases. Nevertheless, Islamic law of a Christian Kingdom existed in a multi-layered legal space and had to recognize Crown law as a source of law. The article is of theoretical and generalizing character.

Key words: history, Sharia, Crown law, Crown of Aragon, 14th c., transformation of law, deformation of law, adaptive ability of law, legal space, islamic identity